

УДК 94(437)

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.01

Н. Н. Наумов

Понятие «правды» в позднесредневековой Чехии

Наумов Николай Николаевич

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119192, Ломоносовский проспект 27, корп. 4, Москва,

Российская Федерация

Email: nn-naumov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6587-1681

Цитирование

Наумов Н. Н. Понятие «правды» в позднесредневековой Чехии // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 12–33. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.01

Статья поступила в редакцию 28.02.2023.

Аннотация

В фокусе статьи находится семантическая трансформация старочешского термина *pravda* в политико-юридическом социолекте чешской знати конца XIV — XV в. Установлено, что в грамоте чешских панов от 5 мая 1394 г. выведен образ правды как «прямыны», однажды в прошлом установленного правового ориентира, любые отступления от которого недопустимы: паны заявили, что хотят Чешскую землю «поставить и привести к праву и ко правде — так, как она прежде при наших предках в правде стояла». Сформулированные панами Земские установления 1395 г. ссылаются на «древнее установление» и воспроизводят некоторые нормы «Статутов королевства» Карла IV 1355 г., однако в иных случаях противоречат письменному праву, представляя собой собственные представления составителей о справедливом общественном устройстве. Объяснение этому отыскивается в трактате Ондржея из Дубы «Земские права» (рубеж XIV–XV вв.), где термин «правда» означает субъективную позицию — мнение тяжущегося человека, считающего себя правым. В качестве лозунга гуситами XV в. была взята не «человеческая», но «Божья правда», которая в тогдашнем обществе воспринималась в качестве абсолютной истины. На Чаславском сейме 1421 г. было провозглашено, что должно принуждать всех к исповеданию Четырех Пражских статей как «Божьих прав». Абсолютизация термина

привела к тому, что правоведы-утраквисты второй половины столетия (Цтибор из Цимбурка и Викторин из Вшегрд) уже воспринимают термин *pravda* как объективную данность — истину.

Ключевые слова

Чешское королевство, XIV–XV вв., старочешский язык, социолект чешской знати, гуситы, правда и истина.

Объектом настоящей статьи является социолект чешской знати в предгуситский период (конец XIV — начало XV в.) и гуситскую эпоху (XV в.), которая ознаменовалась существенными переменами. Р. Каливода отмечает, что гуситская революция повысила программу Четырех Пражских статей до уровня основного закона — Базельских компактат, на которых каждый чешский правитель был обязан присягать. «Привязка власти монарха к компактатам уже явственно указывает на преобразование монархии в конституционную монархию», — заключает Р. Каливода¹. Произошли ли при этом какие-либо изменения в социолекте тогдашней чешской знати? Являясь такими же данностями общественного быта, как и политический строй, структуры старочешского языка, дошедшие до нас через 600 лет в весьма ограниченном количестве источников, кажутся медиевисту заметно менее подвижными, консервативными — и это при том, что сегодняшние словари иногда «устаревают в тот день, когда вышли из печати»². Была ли гуситская идеология настолько действенной, чтобы привести к заметным сдвигам в понятийном аппарате? В рамках этой статьи предпринято исследование семантической трансформации старочешского понятия *pravda*, ставшего центральным в рамках гуситской экклезиологии.

Наделение одного и того же словарного корня пространственными смыслами («прямызна», «ровность», «точность») и смыслами двух иных ракурсов — онтогносеологического («истина») и социально-этического («право» и «справедливость») — имело место во всех языках того хронотопа, о котором идет речь: в латинском³,

1 Kalivoda R. Husitské myšlení. Praha, 1997. S. 316.

2 Цитата из статьи М. Вахковой: Vachková M. Německé jazykové slovníky v rukou začínajících historiků, archivářů a pracovníků příbuzných oborů // Archivní časopis. R. 58. 2008. S. 117–128 (здесь — s. 123).

3 Корень *rect-* в составе прилагательного *rectus*, *a*, *um* выражает пространственный смысл («прямой, прямо держащийся, непоколебимый»),

средневерхненемецком⁴ и старочешском языке⁵. В рамках каждого языка у простейшего прилагательного (лат. *rectus*, ср.-в.-нем. *reht*, ст.-чеш. *pravý*) словари фиксируют все три смысловых ракурса, однако денотат иных слов с тем же корнем уже сужен до двух ракурсов⁶ или до одного⁷. В. Хладкова и И. Коуба пришли к выводу, что исконный пространственный смысл корня *prav-* («прямызна») в понятиях *právo* и *pravda* уже отсутствует — с оговоркой, что «лишь побочным образом в лексеме *pravda* имеется значение “верного (должного) направления” в религиозно-этическом смысле». Доминирующим семантическим содержанием обоих понятий стало «неотступление от чего-либо», в частности — «справедливость» как «неотступление от Божьего и человеческого закона» и «истина» как «неотступление

онтогносеологический («правильный, разумный, здравый») и социально-этический («надлежащий, праведный, справедливый»). См.: *Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь*. М., 2006. С. 654.

4 Корень *riht-* / *reht-* в составе прилагательного *reht* выражает пространственный смысл («прямой, в виде прямой линии»), онтогносеологический («истинный, действительный») и социально-этический («такой, как положено в соответствии с обычаем или законом: верный, справедливый, подобающий»). Равным образом полисемантичен глагол *rihten* («делать прямым, устанавливать, исправлять, господствовать, судить»). См.: *Lexer M. Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. Leipzig, 1876. Bd. 2. Sp. 376, 433.

5 Корень *prav-* в составе прилагательного *pravý* имеет пространственный смысл («прямой, ровный»), онтогносеологический («истинный, действительный») и социально-этический («подобающий, добрый, не отклоняющийся от нормы, справедливый»). См.: *Staročeský slovník / vyd. I. Němec, V. Havránek et al. Praha, 1996. T. 21. Povolání — pravý. S. 1116–1122.*

6 Латинская лексема *rectitudo* имеет пространственный и социально-этический ракурс («прямызна, прямота, справедливость»), но не выражает онтогносеологического понятия «истины» и «истинности». Немецкое слово *rehtecheit* имеет социально-этический («право, справедливое дело, справедливость») и онтогносеологический смысл («правильность, истинность»), но не выражает пространственной категории «прямызна». Старочешское слово *pravota* имеет пространственный смысл («прямызна») и социально-этический («справедливость»), но не имеет онтогносеологического смысла. См.: *Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь*. С. 654; *Lexer M. Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. Bd. 2. Sp. 376; *Staročeský slovník*. Т. 21. S. 1115.

7 Лексемы *rehteit* и *pravednost* имеют социально-этический смысл («праведность, справедливость»). См.: *Ibid.* S. 1092; *Lexer M. Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. Bd. 2. Sp. 381.

от действительности», в то время как иные лексемы (*pravost* и *pravota*) удержали пространственный смысл («прямота»)⁸.

Понятие «правды» в *предгуситскую эпоху*. Неужели благородные носители старочешского языка уже не ощущали в слове *pravda* его исходный пространственный смысл «прямызны» и «прямоты»? Обратимся к конкретному примеру. 5 мая 1394 г. маркграф Моравский Йошт и девять чешских панов заключили союз, заявив (перевод максимально близок к оригиналу): «Мы все хотим и должны быть в единстве и искать земского блага, плодить и сотворять в земле правду и так **всегда за нее вместе стоять** (здесь и далее выделено мной. — *Н. Н.*), **чтобы мы легко вели перед собой** (т. е. осуществляли. — *Н. Н.*) все земское благо, помогая друг другу без лукавства в соответствии со всей нашей верой и нашей честью, каждый из нас и все вместе, бесхитростно и всей нашей силой, какую иметь каждый из нас может. И если кто кого-либо из нас или из наших людей каким-либо деянием когда-либо и как-либо захотел бы притеснить **в обход земского порядка и панского приговора**, то мы должны и обещаем верно помогать и сильно за него (потерпевшего. — *Н. Н.*) стоять, чтобы у того (посягателя. — *Н. Н.*) никогда этой вещи не получилось, **но чтобы каждому стало правое**. И мы должны так долго стараться об этом и **твердо в том стоять**, пока землю эту **не поставим и не приведем к праву и ко правде — так, как она прежде при наших предках в правде стояла**»⁹. Уже 8 мая сам монарх — тогдашний король Вацлав IV — был внезапно захвачен в плен составителями этого страстного текста.

8 Chládková V., Kouba J. K sémantické struktuře staročeských lexikálních jednotek se základem prav // Listy filologické. R. 117. 1994. Č. 1–2. S. 54–59 (здесь — s. 55, 58).

9 “Chcme a jmáme všickni my w jednotu býti, a zemského dobrého hledati, a prawdu w zemi ploditi a činiti, a tak **wzdy po tej spolu státi**, abychom **předsie všeccko zemské dobré snažně wedli**, wěrně bezelsti sobě pomáhajíc, podlé wšie swé wiery a podlé swé cti, každý z nás i všickni spolu, swú wší mocí bezelsti, co jie každý můžem. A kohožby koliwěk z nás nebo koho z našich, kterým koliwěk činem kto kdy kterak tisknutí chtěl, **mimo zemský běh nebo mimo nález panský**, toho tomu mámy a sľubujem wěrně pomáhati a po něm silně státi, aby sie wzdy jemu toho nedálo, **než aby sie každému prawé stalo**. A to tak dlúho máme jednati, a **w tom pewni státi**, ažbychom zemi ku práwu a prawdě postavili a přiwedli, **tak jakož jest dřewe za našich předków w prawdě stála**”. Грамота Йошта Моравского и девяти чешских панов, изданная 5 мая 1394 г. в Ппаре. Опубл. в: Archív český, čili staré pisemné památky české a morawské / wydal F. Palacký. Praha, 1840. D. 1. S. 52–53.

Конкретные причины для недовольства и подобного самоуправства в тексте не названы. Тем не менее, ясно то, что в качестве импульса к действию мятежные паны выставляют отклонения от давно сложившегося унаследованного порядка — «правды», которая при их отцах была нерушима. Земскому суду, в котором заседали присяжные паны-кметы, приписывается монополия на насилие — и отклонением от «правды» является то, что к насилию прибегают «в обход» (ст.-чеш. *tímo*) принятых судебных процедур¹⁰. Обращает на себя внимание употребление глагола «стоять»: паны решительны в том, чтобы «стоять твердо» (ст.-чеш. *pewni státi*) за то, что считают справедливым, — и возратить («поставить») свою землю «к праву и ко правде», в которой их земля прежде пребывала (досл. «стояла»). Синоним оборота «стоять за правду» — действовать в интересах Чешской земли (досл. «вести перед собой все земское благо»). В обоих случаях употреблены такие глаголы, которые предполагают действие по прямой траектории (ст.-чеш. *státi / před sě vésti*). Налицо образ правды как «прямызнь», однажды в прошлом установленного ориентира, любые отступления от которого недопустимы.

С этим образом «правды» согласуются Земские установления Вацлава IV, разработку которых побежденный король поручил мятежным панам, придав их статьям законную силу своей грамотой от 30 мая 1395 г.¹¹ Заметно, что эти по факту панские установления полны отсылками на прошлое как на единственный образец того, что законно. Статья 3 требует, чтобы назначение кметов осуществлялось бы так, «как раньше было установлено с участием Королевской Милости, панов и земанов»¹². Согласно статье 5, конфискация

10 Электронный словарь старочешского языка определяет *zemský běh* как «обязательный порядок судопроизводства накануне земского суда, порядок земского права». См.: *Elektronický slovník staré češtiny*. URL: [Vyhledávání \[běh\] \(cas.cz\)](http://vyhledavani.bch.cas.cz) (дата обращения — 22.02.2023). Предполагаю, что паны подразумевали практику тоекратного вызова в суд. В случае, если ответчик не являлся на суд либо на судебный поединок, он подлежал розыску и убийству. См.: *Řád práva zemského // Codex juris bohemicus / edidit H. Jireček*. Prague, 1870. T. 2. P. 2. P. 198–255 (здесь — p. 200–202, 212).

11 *Archiv český*. D. 1. S. 56–58.

12 “Wiece aby to kmetowstwo, jakož jest bylo najprwé s Králowú Milostí a se pány i s zemany obstanoweno a přiseženo, aby to bylo před sie konáno a pred sie šlo”. *Ibid.* S. 56.

выморочного имущества и его инфеодация должны осуществляться так, «как было издавна», а придворные «доски», т. е. кодекс, в который делались записи об этих процедурах, — вестись «в соответствии с древним обычаем»¹³. Помимо этих, еще десять статей воспроизводят нормы, которые отсылают к прежним порядкам («древнему установлению»). В свою очередь, все недопустимое, что паны желают искоренить, происходит в их собственное время: «что **ныне в этой войне** было у кого-либо из светских или духовных лиц отнято, то пусть тотчас будет возвращено и уступлено со всеми правами»¹⁴ (статья 2); «**недавно возникло**, что с земанов в королевских городах взимают унгельд: чтобы это прекратилось и этого не было, потому что прежде не было; также о дорогах, ибо **их вопреки старому обычаю воротят в другую сторону**: чтобы эти дороги там же шли, где и прежде, чтобы в другую сторону их не воротили; и **новые пошлины, недавно установленные**, чтобы тоже прекратились»¹⁵ (статьи 16–18). Таким образом, при издании грамоты от 8 мая 1394 г. и Земских установлений 1395 г. чешские паны представляли в образе восстановителей права, некогда уже данного и освященного древностью.

В этой связи вызывает недоумение их утверждение, что они желают «плодить и сотворять в земле правду» (ст.-чеш. *prawdu w zemi ploditi a činiti*). Этот плеоназм¹⁶ противоречит точке зрения саксонского рыцаря Иоганна фон Буха, который заявлял: «Не должно

13 “Také aby u dworských desk řád šel *dřewnieho obyčeje*, i prowolanie i uwazowanie, *jakož jest bylo od staradawná*”. Ibid.

14 “Také aby pánóm a zemenom (sic!), což jest koliwěk **nynie w tejto wálce** komu sie weč uwázáno, swětským nebo duchowním, aby to nawráceno bylo ihned všem zasě mocně a sstúpeno”. Ibid. S. 56.

15 “Wiece jakož jest již **z nowa wzniklo**, že ungelt po králowých městech na zemanech berú, to aby sešlo a toho nebylo, jakož dřéwe nebylo”. “Také o cestách a o silniciech, jakož **je proti starému obyčeji obracují jinudy**, ty cesty a ty silnice aby tudíž šly, jakož dřéwe, a jinam obracowány nebyly. **A nowá mýta z nowa nalezená** aby sešla take”. Ibid. S. 57. Унгельд — пошлина с товаров, уплачиваемая в королевских городах.

16 В Дрезденской Библии конца 1360-х гг. глагол *činiti* употреблен в смысле «давать плод»: “Nemuož dobré dřěvo zlého ovoce činiti ani dřěvo zlé činiti ovoce dobrého”. Перевод: «Не может доброе дерево рождать плохой плод, и плохое дерево — хороший» (Матф. 7, 18). Bible draždánská. Matoušovo ewangelium / ed. K. Voleková, A. Svobodová. URL: [Bible draždánská, Matoušovo ewangelium], folio 544r (cas.cz) (дата обращения 21.02.2023).

увеличивать право больше, чем оно дано. Не должно также и уменьшать право, кроме как если судья сомневается между двумя правами; тогда пусть постановит то, которое имеет меньшее наказание»¹⁷. Термином *recht* саксонец выражает норму записанного права: так, казни с утратой чести и конфискацией имущества, которая прописана в «Саксонском зеркале» для тех, кто убил своего господина, И. фон Бух предлагает альтернативу в виде денежного штрафа, ссылаясь на «Дигесты» Юстиниана («Было бы лучше наложить штраф, чем убить, как <гласит> закон о наказаниях “Absentem”»)¹⁸. Чтобы понять, чем была «правда» в понимании чешских панов, обратимся к вопросу об источниках, к которым они прибегли при формулировании Земских установлений.

Явные параллели позволяют заключить, что текстом, на какой опирались паны, было собрание «Статутов королевства» 1355 г.¹⁹ Земские установления 1395 г. начинаются со статьи, в которой король постановил: «Во-первых, чтобы велось согласование касаясь нашей чести, нашего чина и всех наших благ, а равно и о всех земских благах»²⁰. Здесь четко выражена дихотомия королевских и земских имуществ (*dominium speciale* — *dominium generale*, ср. русские категории «опричины» и «земщины»). Контроль сословного общества за сохранностью монаршьего удела в королевстве был предусмотрен

17 “Me schal nen recht meren wan als yt gegeuen is. Me schal is ock nicht minneren, yt en sy, dat dy richter twiuele tusschen twen rechten, so geue he, dat dy minnere rуне het”. Глосса Иоганна фон Буха к 84-й статье «Земского права» Саксонского зеркала: Monumenta Germaniae Historica. Fontes iuris Germanici antiqui. Nova series. Hannover, 2002. Bd. VII: Glossen zum Sachselspiegel-Landrecht Buch'sche Glosse. T. 3. S. 1501.

18 “Wente yt were beter, dat me einen losz lyte na wane, wan dat me einen dodete na wane, ut ff. de penis l. absentem”. Ibid.

19 Оно известно в науке под поздним названием “Majestas Carolina”, которое в 1617 г. дал первый издатель «Статутов» 1355 г. — Павел Йешин. По дискуссионным причинам Карл IV издал грамоту, в которой объявил кодекс статутов сожженным и не имеющим законной силы; тем не менее текст сохранился в двух латинских рукописях XV в. из Публичной Пражской библиотеки и архива г. Тршебонь, а также в трех старочешских переводах. См.: Archiv český. D. 3. S. 67.

20 “Najprwé, o našem počestném a o našem řádu i o všem našem dobrém, aby jednáno bylo, i o všeckno zemské dobré”. Грамота короля Вацлава IV, изданная в 1395 г. в день св. Троицы (30 мая) в Жебраке. Оpubл. в: Archiv český. D. 1. S. 56–58.

клятвой монарха «о неотчуждении городов, замков и прав, относящихся к королевскому домену Богемии, а также к суду и столу», которая должна была произноситься королем как перед вступлением в королевские города, так и отдельно — в присутствии князей, прелатов, панов, знатных людей и общин Чешского королевства²¹. В свою очередь, и королевские чиновники должны были принести клятву, о которой сказано в статьях 5 и 7 Земских установлений: «Также чтобы порядок придворных досок осуществлялся согласно древнему обычаю, а равно и процедура оглашения и уделения в лен, как было издавна, чтобы управителем этих досок был пан знатный, безупречный и имеющий в земле владения, поставленный по панскому совету: **пусть он присягнет и Королевской Милости, и общине, что будет вершить абсолютную справедливость (досл. «вести полную правду»)**»²²; «Также, чтобы в соответствии с земским обычаем и с ведома панов был поставлен земский писарь, заслуживающий этого; **чтобы тот присягнул так, как прежде было написано, и чтобы вершил абсолютную справедливость (досл. «вел полную правду»)**»²³. Принцип, что должностное лицо, поставленное королем, присягает сословной общине, четко выражен в 22-м статуте 1355 г.: «Настоящим установлением мы распоряжаемся устроить так, что все должностные лица или магистраты, направленные для осуществления справедливости, каким бы верховенством своего чина или поста они бы ни блистали в нашем королевстве Богемия, при вступлении в свою должность **в присутствии народа того места**, где тот или иной должен расположиться для осуществления суда, — при том, что уже совершилось публичное провозглашение, — пусть клянутся, положив руку на Священное Евангелие, “что они из страха

21 “De non alienandis civitatibus, castris et juribus ad regium demanium Boemiae, atque justitiam spectantibus sive mensam”. *Majestas Carolina // Codex juris bohemicus* / edidit H. Jireček. Pragae: typis Grégerianis, 1870. T. 2. P. 2. P. 100–197 (здесь — p. 117–118).

22 “Také aby u dworských desk řád šel dřevního obyčeje, i prowolanie i uwazowanie, jakož jest bylo od staradávna, aby u těch desk úředník byl pán urozený, zachovalý a k zemi usedlý, s panskú radú usazen, **a ten aby přísáhl i KMti i obci prawdu plnú wésti**”. Грамота Вацлава IV от 30 мая 1395 г.: *Archiv český*. D. I. S. 56.

23 “Také aby písar zemský podlé obyčeje zemského a podlé wěděnie panského k tomu hodný byl obstanowen, **a ten přísáhl takéž jakož dřewe psáno jest, aby prawdu plnú wedl**”. *Archiv český*. D. I. S. 57.

Божьего и для чести и славы королевского величия Богемии, а также для мира и спокойствия преданных вассалов этого королевства в рамках вверенной им должности верно и безо всякой предвзятости к лицам будут **служить к приращению справедливости**»²⁴. Возможно, что именно из последних слов 22-го статута 1355 г. чешские паны позаимствовали тот образ, который отражен в их грамоте 1394 г. («плодить и сотворять правду в земле»).

Обратимся к вопросу о том, в чем составители Земских установлений отклонились от текста и существа «Статутов» 1355 г. — будь то полностью или частично, что поможет установить сущность той «правды», о которой они говорят. Статья 6 Земских установлений гласит: «Также о земских досках (ведомственные книги земского суда, в которых фиксировались тяжбы, сделки и проч. — *Н. Н.*), чтобы **их вели согласно древнему установлению и не открывали без ведома панов**. И в эти регистры чтобы не делались записи, **кроме как при панах**, при кметах, как минимум трех. *И должностные лица чтобы ставились с совета панов, такие, чтобы этого заслуживали*»²⁵. Полу жирным шрифтом выделены сходства между этой статьёй и текстом 27-го статута 1355 г.: «Доски, которые должны быть изготовлены земским писарем, мы повелеваем хранить в нашем Пражском замке вместе с самим писарем — за исключением тех, которые составлены о наследных имениях и об уже совершенных делах, которые **(каким был издревле обычай)** сначала припечатываются высшим камерарием, высшим цудой, или судьей и бургграфом упомянутого нашего Пражского замка, а также названным земским писарем. Мы желаем, чтобы

24 “Constitutione praesenti providimus ordinandum: quod officiales sive magistratus omnes ad reddendum justitiam deputati, quacunq[ue] praeeminentia dignitatis aut administratione praeefulgeant in regno nostro Boemiae, in introitu quisque officii sui, **praesente populo losi illius**, in quo debet facere residentiam pro iudicio ferendo, (praecedente scilicet proclamatione publica), jurent sacrosanctis evangelii manu tactis, «se in timore dei et ad honorem et gloriam regiae majestatis Boemiae, statumq[ue] pacificum et tranquillum devotorum fidelium dicti regni, in decreto sibi officio fideliter cuicunq[ue] absque personarum acceptione **ministrare justitiae complementum**»”. Majestas Carolina. P. 126.

25 “Wiece také o dskách zemských, aby ty **byly chovány podlé obstanowenie starého, a nebyly otwierány bez panského wěděnie**. A w ta registra aby nebylo kladeno než **při pániech** při kmetech, a zwlášť při třech najméně; *a úředníci aby takéž byli usazeni s panskú také radú, ježtoby hodni byli*”. Archiv český. D. I. S. 56.

их хранили в ризнице Собора Пражской церкви и не открывали, кроме как **в присутствии высшего камерария и баронов земли, сообразно обычаю**»²⁶. Сущностное сходство между памятниками нормативного права 1355 и 1395 гг. состоит в том, что чешским панам (баронам) была уделена роль ответственного хранителя земских досок в Чешском королевстве. Равным образом в обоих текстах повторяется отсылка к древнему установлению. Тем не менее выделенные курсивом слова рассматриваемой статьи 1395 г. не только отсутствуют в 27-м статуте, но и противоречат иным статутам 1355 г. в вопросе, кто назначает на должность и выступают ли сословия в качестве консультативной силы при этой процедуре. В статутах не сказано о том, что монарх обязал ставить должностных лиц «с совета панов» (ст.-чеш. *s panskú radú*). Напротив, в 17-м статуте 1355 г. подчеркивается: «*Высший камерарий, высший цуда, или судья, а также земский писарь, которые ставятся непосредственным решением одного короля, а также прочие камерарии, цударии, нотари и иные чиновники всех провинций нашего Чешского королевства, подчиненные этим трем высшим службам, ни в какое время не ставятся на срок чьей бы то ни было жизни — ни совместно, ни по отдельности, должности же не продаются, не закладываются и не отчуждаются ни под каким видом, ни навеки, ни временно*»²⁷. Во-вторых, срок назначений в 1395 г. тоже подвергся корректировке. Согласно статуту, никакие чиновники (как верховные, так и крайские, в число которых входили и присяжные земского суда — 12 панов-кметов от 12 краев) не занимали свои должности пожизненно, однако в 3-й статье 1395 г. этот принцип изменен («те кметы чтобы принимали

26 “Tabulae, quae per terrae notarium confici debent, pariter simul cum ipso notario teneri et servari in castro nostro Pragensi jubemus. Nisi haec, quae forent super hereditatibus et causis finitis jam compositae, quas (**ut moris fuit antiquitus**) sigillatas prius, per supremum camerarium, supremum czudam seu iudicem et burggraviium dicti castri nostri Pragensis, ac dictum terrae notarium, in sacristia cathedralis ecclesiae Pragensis volumus custodiri, nullatenus aperiendas, nisi **praesentibus eodem supremo camerario et terrae baronibus, ut est moris**”. *Majestas Carolina*. P. 129.

27 “Itaque praesenti decreto jubemus, quod supremus camerarius, supremus czuda vel iudex, ac notarius terrae, qui mero et immediato regis arbitrio statuuntur, et ceteri camerarii, czudarii, notarii et officiales alii, ab ipsis supremis tribus officiis dependentes, omnium provinciarum regni nostri Boemiae, nullo unquam tempore constituentur seu ordinentur ad vitam cuiquam communiter vel divisim; nec officia ipsa vendantur, obligentur, aut alio quovis alienationis titulo distraherentur, perpetuo vel ad tempus”. *Majestas Carolina*. P. 123.

в свой состав других панов, которые годились бы для этого и которые издавна для этого рождены... И какие из кметов ушли (т. е. умерли. — Н. Н.), пусть другие поставлены будут с совета панов»²⁸. Как в процитированном установлении, так и в трактате современника событий, земского судьи Ондржея из Дубы, недвусмысленно выражена наследуемость статуса кмета в чешской благородной среде: «Ни один пан не может выносить панского приговора, кроме как тот, на которого укажет судья. **И тот должен быть кметом от своих предков**, а что такое кмет — то знают паны»²⁹. В-третьих, согласно 20-му статуту 1355 г. поправцы (лат. *correctores* / ст.-чеш. *poprawci*) — должностные лица из числа панов, которые исполняли наказания, — «должны были быть назначены в отдельных провинциях по принятому обычаю» (лат. *in singulis provinciis de more solito ordinandi*), очевидно — самим монархом. В 11-й статье 1395 г. уже прописана качественно иная процедура: «чтобы в наказания не вмешивались те, кто не имеет на это права, но лишь **обговоренные для этого поправцы**, в соответствии со старым установлением»³⁰. Тем самым чешское сословное общество, начиная со своих верхов (панского сословия), приобретало все большую автономию от короля. Именно она составляет политическое содержание того морально-юридического синтеза справедливости и законности, который чешские паны предгуситской эпохи вкладывали в слово *pravda*. Стремление к сбережению и расширению этой автономии, ее «умножению» и было выражено панами в словах грамоты 1394 г.: *pravdu ploditi a činiti*. В 1395 г. они представили в качестве «древнего установления» как настоящие нормы из статуты Карла IV, так и свои собственные представления о справедливом общественном устройстве,

28 “Wiece aby to kmetowstwo, jakož jest bylo najprwé s Králowú Milostí a se pány i s zemany obstanoweno a přiseženo, aby to bylo před sie konáno a pred sie šlo; a ti kmetowé aby přijmúc jiné pány, kteřížby k tomu hodni byli a přirozeni od staradawná, aby mohli súditi mocně bez přiekaz, komužby co odsúdili neb přisúdili, aby to mocno bylo a toho jim pomáhano, tak aby to wždy bylo dokonáno, což náležnú. A kteříž sú kmetowé **sešli**, aby jiní s panskú radú byli wydáwani”. Грамота Вацлава IV от 30 мая 1395 г.: Archiv český. D. I. S. 56. Подробнее о кметах см.: Rieger B. Zřízení krajské v Čechách. Praha, 1894. Č. I. S. 38.

29 “Panského potazu nemóz žádný pán vynésti, než na kohož sudí podá. **A ten má býti kmet ot svých předkův**; a co jest kmet, to páni vědie”. *Dubé O. z. Práva zemská česká* / vyd. Fr. Čada. Praha, 1930. S. 154.

30 “Také aby w poprawy ti nesahali, jež to s právem sáhnúti nemají, než **poprawce k tomu zjednaní**, podlé starého ustawenie”. Archiv český. D. I. S. 57.

которые принципиально противоречили письменному праву. При этом они вполне могли и не видеть здесь того противоречия, которое увидит современный человек — гражданин «государства-учреждения» (нем. *Anstaltsstaat*) в терминологии Макса Вебера, поскольку сама правовая культура чешского благородного общества разительно отличалась от современной. Так, пан и земский судья Ондржей из Дубы заявлял в своем трактате «О земских правах» рубежа XIV–XV вв.: «Также паны говорят, что они — свободные паны, так что как свободные паны они могут осуществить свои приговоры, которые были постановлены и записаны в земские доски. И также говорят, что не должны иметь писанных прав, чтобы люди не руководствовались их приговорами. Потому что сегодня одному в его деле в соответствии с его изложением присудят выигрыш, а другому, кто свое дело менее понятно расскажет и своей речью не так ладно объяснит, такому человеку в точно таком же деле проигрыш постановят»³¹.

Тем самым чешское земское право не было ни прецедентным, ни статутарным. Сложившийся порядок судопроизводства, а вместе с тем и нормы наказаний за особо тяжкие преступления в XIV в. были записаны, однако сам Ондржей из Дубы признает, что «вместе паны могут и иначе приговорить»³². Сама этимология старочешского слова «приговор» (ст.-чеш. *nález* от глагола *naléztí* — «найти») указывает на то, что правосудие, т. е. установление правого и виноватого, в Чешском королевстве осуществлялось *ad hoc* в каждом отдельно взятом случае. И потому неудивительно, что термин «правда» в политико-юридическом социолекте чешской знати рубежа XIV–XV вв. зачастую оказывается наполнен предвзятостью и субъективностью: «правда» — это не истина,

31 “Také páni pravie, že jsú svobodní páni, že mohú z svých náležív stalých a v zemskej dsky zapsalých, mohú jích pričiniti i ujieti jakož to svobodní páni. A také tak pravie, že nemajú psaných práv jmieti, aby sě nezpravovali lidé po jich náleziech. Než dnes jednomu podlé líčenie jeho přě k zisku naleznú jemu a o túž při jinému, ktož svú při a nerozumněje povie a ne tak řádně podlé řěči líčenie své, za ztracenu jemu naleznú”. *Dubé O. z. Práva zemská*. S. 173.

32 Порядок судопроизводства был прописан в «Порядке земского права», где, в частности, было указано: если мужчина овладел чьей-либо дочерью без ее воли, сама дочь должна отрубить голову своему насильнику; если же окажется, что это произошло с ее согласия, тогда ее отец должен отрубить головы обоим. См.: *Řád práva zemského*. P. 249. Именно в данном контексте Ондржей из Дубы заявляет: «Но это право — древнее: вместе паны могут и иначе приговорить». Оригинал: “Ale to jest staré právo: mohu páni spolu jinak naléztí”. *Dubé O. z. Práva zemská*. S. 130.

а чье-то мнение. Лучшее свидетельство этому — следующая сентенция Ондржея из Дубы: «Также часто в одинаковых тяжбах паны выносят все иные и иные приговоры, и это случается не по их вине, но по вине тяжущихся сторон. Потому что часто одна сторона **свою правду** представит перед панами превосходно и красноречиво, так что дело через панский приговор пойдет ей в выигрыш. И часто другая сторона, имея в своей речи и в своем изложении ту же самую или похожую правду, поведет себя перед панами некрасноречиво, мешкая сама, так что паны приговорят ей в той же правде проигрыш, а потому отсюда выходит, что часто правый утрачивает, а неправый приобретает. Потому что в каждом праве тому, который в своем деле осторожен и внимателен, тому право помогает, а кто о **своей правде** не заботится, тому право тоже неохотно помогает: один разумом и попечением приобретет, а другой леностью и неразумием утратит»³³.

Понятие «правды» в гуситскую эпоху. Ондржей из Дубы начинает свой трактат со строгого увещевания королю Вацлаву: «На кого всеобщий крик, как не на тебя? Кого винят перед Богом, как не тебя? О ком злая память, как не о тебе? И от этого обвинения можешь избавиться и не быть в этом виновным, приняв поучение одно, усердие свое выказав: кому ты дашь или дал должности, и принимаешь присягу от них, прикажи, чтобы они вели **правду Божью** и — осуществляя в той правде древнее право без изобретения новых прав — пусть они не ищут при этом грошей в обход древнего установления...»³⁴. Если правда ответчика или истца воспринималась как субъективная (что четко осознавал как Ондржей, так и мятежные паны, заранее грозящие насадить собственную «правду» силой своего оружия), то в условиях

33 “Často také v rovných přech páni jiné a jiné nalézají a to bývá bez jich viny, ale vinú stran. Neb častokrát **svú pravdu** jedna strana řečí podobnú a výmluvnú před pány vyvede, takže jěj to k zisku panským nálezem pójde. A častokrát také druhá strana túž aneb podobnú k téj pravdu majíc v své řeči a v svém líčení, nevýmluvně přědě pány povede sama sě měškajíc, že páni o túž pravdu jěj ke ztrátě naleznú, takže z toho vychodí, že často pravý ztratí a křivý zíšť. Neb v každém právě tomu, ktož své věci jest opatren a bdí, právo jest pomocno a ktož **své pravdy** netbá, právo jemu také nerado spomáhá: onen smyslem a snažností zíšť a druhý leností a nedomysem ztratí”. Ibid. S. 152–153.

34 “A na koho křik obecny než na tě? Na koho k bohu žaloba než a tě? O kom zlá pamět než o tobě? A ty muožeš otbýti a vinen tiem nebyti, jedno přijma naučenie, učíš svú snažnost: komuž úřady dáš nebo dals a přísahu od nich přijímáš, káž, ať **pravdu božskou** vedú a v téj pravdě právo staré obyčejně vedú bez zámyslu nových práv, ať v tom groše nehledají mimo ustavenie staré...”. Ibid. S. 115.

тотального господства христианской идеологии Божья правда должна была представляться объективной, незыблемой данностью. Особенно это характерно для узуса священнослужителей, ведь они имели перед собой слова апостола Иоанна: «И Дух есть, Который свидетельствует, что Христос есть правда (лат. *veritas*)»³⁵. Выходец из рыцарского рода, ставший священником, Томаш Штитный из Штитного высказался так, как его более прагматичный современник, пан Ондржей из Дубы и не подумал бы: «Но они (серафимы. — *Н. Н.*) зовутся “пламенеющей любовью”, поскольку более достойно со всем желанием любить Бога, Который есть правда, чем знать правду»³⁶. Уже здесь «правда» выступает как синоним истины. Для понимания гуситской трактовки термина показательно его употребление Яном Гусом в 1412–1415 гг. Отлученный от Церкви за неявку в суд папской курии по подозрению в ереси, Ян Гус в октябре 1412 г. составил публичное воззвание к Богу — «Первому и Последнему Прибежищу угнетаемых, Повелителю, Охраняющему **правду** в здешнем мире, Творящему правосудие страдающим от несправедливости, Близкому ко всем, взывающим к Нему в **правде**»³⁷. У Гуса «правда» (лат. *veritas*) в первом случае — абстрактная справедливость, во втором — его субъективное представление о собственной правоте. В день своей казни 6 июля 1415 г. Ян Гус, облачившись в белые одежды, сказал, обратившись к толпе: «Вот эти епископы призывают меня к тому, чтобы я клятвенно отрекся; я боюсь сделать это, дабы не стать лжецом пред лицом Господа, а также чтобы я не оскорбил **совесть свою и Божью правду**, ведь я никогда не придерживался тех статей, которые лжесвидетельствуют против меня»³⁸. Заметно, что здесь выделенные категории не противопоставлены

35 “Et Spiritus est, qui testificatur quoniam Christus est veritas” (1-е Иоанна, 5:6).

36 “Ale proto slovú «plálolící milostí», že duostojnějšie věc jest, plnú žádostí milovati Boham, jenž jest pravda, než pravdu znati”. *Štitného T. z. Knížky šestery o obecných věcech křesťanských* / vyd. K. J. Erben. Praha, 1852. S. 122.

37 “Opressorum est primum et ultimum refugium, et dominus custodiens veritatem in seculum, faciens iudicium injuriam patientibus, prope existens omnibus invocantibus eum in veritate”. *Documenta Mag. Joannis Hus vitam, doctrinam, causam in Constantiensi concilio actam et controversias de religione in Bohemia annis 1403–1418 motas illustrantia* / ed. F. Palacký. Pragae, 1869. P. 464.

38 “Ecce isti episcopi hortantur me ad hoc, quod revocem et abiurem; timeo hoc facere, ne sim mendax in conspectu domini, et etiam ne **conscienciam meam et dei veritatem** offendam, cum nunquam istos tenui articulos, qui contra me false testantur”. *Fontes rerum bohemicarum* / vyd. V. Novotný. Praha, 1932. D. 8. P. 116.

друг другу в качестве дихотомии многих частных мнений («совесть») и одной-единственной, объективной Божественной истины, но наоборот — семантически объединены, обозначая то, за что Ян Гус принес себя в жертву. Подобное размывание грани между собственным мнением и неоспоримой истиной оказалось присуще и гуситам 1420-х гг., которые — отлученные от Церкви, провозглашенные еретиками, сжигаемые на кострах и бросаемые в кутногорские шахты — оказались в той же ситуации, что и Ян Гус в 1415 г.

Не человеческая, но Божья правда стала ключевым понятием гуситской идеологии. «Тот собор (Констанцкий. — Н. Н.) многократно к сугубой кривде в наш адрес своей злобой искушал нас и многие лукавства готовил, чтобы надежно искоренить нас из королевства — и это все не за что иное, как за ту Божью правду принятия Тела и Крови Христовой под обоими видами всеми верными христианами», — заявили гуситы, собравшиеся в Праге 3 апреля 1420 г.³⁹ В этом общесловном манифесте воспроизведена традиционная ассоциация «правды» с судебным процессом — но уже без того субъективного оттенка, который выражен в словах Ондreja из Дубы. В тяжбе Констанцкого

39 “Kterýžto sbor, ačkoli na naši těžkú křiwdu mnohokrát proti nám pokúšel jest swých zlostí, a aby wěrně wyplel z králowstwie, mnohé lsti kowal jest; a to pro nic pro jiné, než pro tu prawdu boží přijímanie těla a krwe Kristowy pod obojím způsobem ode všech wěrných křesťanów, mnohé je nám a těžké učinil bezprawie”. Archiv český. D. 3. S. 212–213. Не соглашаясь с предшествующей историографией, которая приписывала авторство бургомистрам и советам Пражских городов (И. Главачек, Ф. Зайбт), К. Груза подчеркивает отсутствие в тексте общего определения для собравшихся из-за вероятной пестроты их состава, а потому среди них могли быть и знатные люди. См.: *Hruza K. Die hussitischen Manifeste vom April 1420 // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. Bd. 53. 1997. S. 119–177 (здесь — s. 125).* Считаю, что К. Груза прав: в конце манифеста выражена просьба, чтобы адресаты (очевидно — некие города) прислали на сейм своих делегатов, что «будет к великой славе и чести всем вам и нам от наших преемников, сыновей и сыновей наших сыновей» (ст.-чеш. *wšem wám a nám od našich naměstków, synów, a synów našich synów má k veliké chwále a cti přijíti*). Похожую конструкцию «их (прелатов. — Н. Н.) преемники и наследники баронов» (лат. *eorumdem successores et Baronum heredes*) употребили те, кто в 1386 г. от имени прелатов, баронов и знатных людей Венгерского королевства составил выборные капитуляции для Сигизмунда Люксембургского. *Magyar diplomáciai emlékek az Anjou-korból / szerk. Wenzel G. Budapest, 1876. 3. köt. 621. l.*

собора с Богом и Его праведниками (а именно так видели себя гуситы) априори понятно, Кто прав. Базовые тезисы гуситской экклезиологии, Четыре пражские статьи 1420 г., гуситы поначалу называли «четырьмя христианскими вещами» (ст.-чеш. *tyto kusy čtyřy křesťanské*), выражая готовность «исправить и сердечно принять поучение из Св. Писания во всем, если кому-то в нас видится что-то плохое»⁴⁰. Затем череда военных побед пражских гуситов в 1421 г. подтолкнула их к абсолютизации своей программы, которая в грамоте Чаславского сейма от 7 июня 1421 г. уже названа «Божьими правдами» (ст.-чеш. *tyto prawdy božské*). Их должно не только защищать против каждого, кто станет им препятствовать, но и навязать их всем: «Также известным образом согласовано: если бы кто-либо не захотел принять это соглашение и спасительные статьи, написанные выше, то такого человека или тех людей должно принудить к этому»⁴¹. Даже на заключительном этапе конфликта, в переговорах со сторонниками традиционного католического обряда, гуситы сохраняли свое понимание Четырех статей как абсолютной истины, чем объясняется как мужество, с которым гуситы противостояли превосходящим силам, так и их исключительная жестокость по отношению к своим противникам.

Обратимся к тому, как в сравнении с Ондржеем из Дубы политико-юридическую «правду» воспринимал благородный правоведа-утрактвист середины — второй половины XV в. — моравский пан и земский судья Цибор Товачовский из Цимбурка. В 1466 г. на сейме чешские сословия постановили указ, в котором перефразировали уже процитированное место из «Земских прав» Ондржея из Дубы, заявив: чешские паны «не должны руководствоваться письменными приговорами, но могут одинаковую тяжбу присудить одному — к выигрышу, а другому — к проигрышу»⁴². На тему прав и обязанностей панов в земском суде (которая, видимо, в это время активно обсуждалась) высказался и моравский пан из Цимбурка, который

40 Из манифеста от 3 июля 1420 г., в котором провозглашены Четыре пражские статьи: “A nade všeckno wyznáwáme, že zdáli se komu do nás co zlého, hotowi sme polepšiti a we všem zpráwu a naučení z písma swatého srdečně přijieti”. Archiv český. D. 3. S. 216.

41 “Také jest znamenitě swoleno, že ačby kto nechtěl k této umluvě a k artikuluom spasitedlným swrchupsaným přistúpiti, ten nebo ti k tomu mají připuzeni býti”. Ibid. S. 229.

42 “A že se nemají psanými nálezy zprawowati, než s jednostejnú při wedle líčení za získání i zase druhému za prohrání odsúdiť”. Ibid. D. 5. S. 363.

однажды уже проявил оппозиционность к решениям чешских сословий. Теперь в 213-й главе «Товачовской книги» («О свободе и панском суде») он ответил чешским панам моральным наставлением: «Она (панская свобода. — Н. Н.) такой является, что <паны> писаными правами не управляют, но своими стародавними обычаями и выслушиванием сторон и тяжбы, которая сторонами излагается, чтобы могли они распознать **справедливость между правдой и кривдой**, судя в соответствии с видением и своей доброй совестью»⁴³. Схожим образом в конце XV в. утверждает и Викторин Корнелий из Вшегрд — аноблированный чешский мещанин из Хрудими, знаток земского права: «Обвинителю подобает обвинение и доказательство, ответчику — отрицание вины; **свидетелям — правда, доказательствам — то же самое; судье — справедливость**, разум, ловкость, чтобы обе стороны слышал, знание прав, ненависть к дарам, любовь к правде, подавление любого позыва к приязни, к неприязни, к зависти, к гневу и тому подобному»⁴⁴.

Очевидна разница между ориентирами в правосудии, которые намечают рассматриваемые авторы — практики и знатоки судебной сферы своего времени. Для Ондржея из Дубы в начале XV в. ответственность за выявление правды и ее победу в суде лежит в первую очередь на том, кому она принадлежит и кто, будучи прав, желает добиться справедливости. В середине — конце XV в. Цибор Товачовский и Викторин из Вшегрд делают акцент на том, что установление правды и справедливости — это долг самого судьи. В их узусе сам термин можно перевести словом «истина» — по той причине, что лексема *pravda* в их гуситский век уже выражает объективную данность.

Что привело к подобной трансформации понятия «правда» в XV в.? На данный момент можно предположить воздействие двух

43 “Ta jest taková, že se právy psanými nespravují, než obyčejí svými starodávnými, a slyšení m stran a pře, kteráž od stran se líčí, aby rozeznati mohli **spravedlnost mezi pravdú a křivdú**, súdic vedle zdání a svědomí svého dobrého”. *Cimburka C. z. Kniha Tovačovská / vyd. V. Brandl. Brno, 1868. S. 117.*

44 “Žalobní ku příležie vinění a próvod, otporníku viny bránění, **svědkóm pravda, a próvodom též; súdci spravedlnost**, rozum, umění, aby obě straně spolu slyšal, známost práv, darův nenávisť, pravdy milování a všelikého hnutie myslí k přiezni, k nepřiezni, k závisti, k hněvu a těm podobným zahrnutí”. *Všehrd V. ze. O právích země Česká / vyd. H. Jireček. Praha, 1974. S. 415.*

факторов. Во-первых, гуситская революция закрепила рассматриваемый термин в качестве обозначения несомненной, объективной данности — не человеческой, но «Божьей правды», любой противник которой оказывается вне правового поля. Термин перестал означать чью-то субъективную позицию, а через пробуждение утраквистами более глубокого религиозного чувства (см. Четвертую пражскую статью, которая требовала публичного искоренения смертных грехов) в сознании гуситских правоведов выростала идея беспристрастного установления справедливости как судейского долга. Во-вторых, важную роль могло сыграть обращение к античным авторам, которые культивировали образ беспристрастного судьи. Так, Викторин Корнелий из Вшегрд поясняет в скобках после выше процитированной фразы: «Потому что когда царят эти вещи и такие позывы, никогда справедливый суд не может быть устроен, поскольку такие позывы, как написал Вергилий, искажают разум, а иногда вообще отнимают его — и судья с трудом высматривает правду, если такие позывы царят, как сказал Юлий Цезарь»⁴⁵. Через античные образцы этот чех эпохи Ренессанса задается вопросом о причинах того, почему беспристрастное правосудие столь сложно организовать. По сравнению с Викториним, Ондřej из Дубы лишь с горечью констатирует отступление от образцов прошлого, априори справедливых: «Мало есть чешских панов, которые помнили бы, что их отцы почитали за право, так что — не помня и не зная — ведут они разбирательство, каждый по своему устремлению, своему мнению и намерению, немилостно добывая серебро в этих должностях вопреки старым установлениям»⁴⁶. В качестве объяснения выскажу следующую гипотезу, нуждающуюся в больших доказательствах: в сознании чешской знати конца XV в. распространялась идея рациональной справедливости (в данном случае никак не противоречащая глубокой гуситской религиозности), замещающая собой априорные традиционалистские представления о прошлом как образце справедливого порядка.

45 “Neb kdež ty věci a taková hnutie panují, nikdy spravdivlý súd nemôž učinen býti, poněvadž taková hnutie rozum, jakož jest Virgilius napsal, převracie a druhdy naprosto odjímají, a z těžka súdce pravdu vyhledá, kdež hnutie taková panují, jakož jest Julius Caesar pověděl”. Ibid. S. 415.

46 “Neboť mním, že málo jest pánuov českých již pohřiechu, by pomněli, co jsú jich otcové za právo měli a nepomniec ani věduc, vedú každý k své vůli, své mysli a zámysli, v těch úradiech nemilostivě groš dobývají mimo staré ustavenie”. Ibid.

Источники и литература

Дворецкий И. X. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 2006. 844 с.
Archív český, čili staré písemné památky české a moravské / vydal F. Palacký. Praha: Kronbergr i Říwnáč, 1840–1872. D. 1, 3, 5.

Bible draždánská. Matoušovo evangelium / ed. K. Voleková, A. Svobodová. URL: [Bible draždánská, Matoušovo evangelium], folio 544r (cas.cz) (дата обращения: 21.02.2023).

Chládková V., Kouba J. K sémantické struktuře staročeských lexikálních jednotek se základem prav // Listy filologické. 1994. R. 117. Č. 1–2. S. 54–59.

Cimburka C. z. Kniha Tovačovská / vyd. V. Brandl. Brno: Josef Šnaird, 1868. 125 s.

Documenta Mag. Joannis Hus vitam, doctrinam, causam in Constantiensi concilio actam et controversias de religione in Bohemia annis 1403–1418 motas illustrantia / ed. F. Palacký. Pragae: Friedrich Temsky, 1869. 768 p.

Dubé O. z. Práva zemská česká / vyd. Fr. Čada. Praha: Česka akademie věd a umění, 1930. 236 s.

Elektronický slovník staré češtiny. URL: Vyhledávání [běh] (cas.cz) (дата обращения: 22.02.2023).

Fontes rerum bohemicarum / vyd. V. Novotný. Praha: nákladem nadání Františka Palackého, 1932. D. 8. CLX, 524 s.

Hruza K. Die hussitischen Manifeste vom April 1420 // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1997. Bd. 53. S. 119–177.

Kalivoda R. Husitské myšlení. Praha: Filosofia, 1997. 367 s.

Lexer M. Mittelhochdeutsches Wörterbuch. Leipzig: Hirzel, 1872–1878. Bd. 2. 2050 Sp.

Magyar diplomáciaiai emlékek az Anjou-korból / szerk. Wenzel G. 3. köt. Budapest: MTA, 1876. 799 l.

Majestas Carolina // Codex juris bohemicus / edidit H. Jireček. Pragae: typis Grégerianis, 1870. T. 2. P. 2. P. 100–197.

Monumenta Germaniae Historica. Fontes iuris Germanici antiqui. Nova series. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 2002. Bd. VII: Glossen zum Sachsenspiegel-Landrecht Buch'sche Glosse. T. 3. 1697 S.

Řád práva zemského // Codex juris bohemicus / edidit H. Jireček. Pragae: typis Grégerianis, 1870. T. 2. P. 2. P. 198–255.

Rieger B. Zřízení krajské v Čechách. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa, 1894. Č. 1. 371 s.

Staročeský slovník / vyd. I. Němec, B. Havránek et al. Praha: Academia, 1996. T. 21: Povolání — pravý. 1128 s.

Štítného T. z. Knížky šestery o obecných věcech křesťanských / vyd. K. J. Erben. Praha: tisk K. Jeřábkové, 1852. 354 s.

Vachková M. Německé jazykové slovníky v rukou začínajících historiků, archivářů a pracovníků příbuzných oborů // *Archivní časopis*. 2008. R. 58. S. 117–128.

Všehrd V. ze. O právích země České / vyd. H. Jireček. Praha: spolek českých právníků “Všehrd”, 1874. 577 s.

References

Bible dražďanská. Matoušovo evangelium; ed. by K. Voleková, A. Svobodová. URL: [Bible dražďanská, Matoušovo evangelium], folio 544r (cas.cz) (accessed: 21.02.2023).

Chládková, V., Kouba, J. “K sémantické struktuře staročeských lexikálních jednotek se základem prav.” *Listy filologické*, vol. 117, no. 1–2, 1994, pp. 54–59.

Dubé, O. z. *Práva zemská česká*; ed. by Fr. Čada. Prague: Česka akademie věd a umění Publ., 1930, 236 p.

Dvoretckii, I. Kh. *Latinsko-russkii slovar'*. Moscow: Russkii iazyk Publ., 2006, 844 p.

Elektronický slovník staré češtiny. URL: Vyhledávání [běh] (cas.cz) (accessed: 22.02.2023).

Fontes rerum bohemicarum; ed. by V. Novotný. Prague: nadání Františka Palackého Publ., 1932. 8 vol., vol. 8. CLX, 524 p.

Hruza, K. “Die hussitischen Manifeste vom April 1420.” *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*, vol. 53, 1997, pp. 119–177.

Kalivoda, R. *Husitské myšlení*. Praha: Filosofia Publ., 1997, 367 p.

Monumenta Germaniae Historica. Fontes iuris Germanici antiqui. Nova series. Hannover: Hahnsche Buchhandlung Publ., 2002. 11 vol., vol. 7: Glossen zum Sachselspiegel-Landrecht Buch'sche Glosse. Part 3, 1697 p.

Staročeský slovník; ed. by I. Němec, B. Havránek et al. Prague: Academia Publ., 1996. 26 vol., vol. 21: Povolanie — pravý, 1128 p.

Vachková, M. “Německé jazykové slovníky v rukou začínajících historiků, archivářů a pracovníků příbuzných oborů.” *Archivní časopis*, 2008, vol. 58, pp. 117–128.

Všehrd, V. ze. *O právích země České*; ed. by H. Jireček. Prague: spolek českých právníků “Všehrd” Publ., 1974, 577 p.

The notion of “truth” (“pravda”) in the Late Medieval Bohemia

Nikolay N. Naumov

Candidate of History, research fellow

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

Email: nn-naumov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6587-1681

Citation

Naumov N. N. The notion of “truth” (“pravda”) in the Late Medieval Bohemia // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 12–33 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.01

Received: 28.02.2023

Abstract

The paper deals with the semantic transformation of the Old Czech term “pravda” (meaning “truth” or “justice” in different contexts) in the political and legal sociolect of the Bohemian nobility from the end of the 14th till the end of the 15th century. This term was used in the charter issued by the Bohemian lords on the 5th of May, 1394 in such a way that it received a meaning of “straightness” denoting a legal reference point set in the past once and forever which does not allow any deviations. The lords declared their will “to put straight the Bohemian land and to bring it to the law and to the truth—in such a way as it stood firm in truth in the times of our forefathers.” The Land constitutions (*Zemské zřízení*) of the year 1395 written by the lords appeal to an unnamed “ancient constitution” and reproduce some laws from the “Statutes of the Kingdom” issued by Charles IV in 1355. However, in some other cases the Land Tables are inconsistent with the written law as they express their authors’ own notion concerning the social justice. An explanation could be found in the treatise “Land’s laws” by Ondřej of Dubá written around the turn of the 15th century: Here the term “pravda” means an opinion of a litigating person who considers himself to be right. The Hussites of the 15th century used the term as a motto, however, they meant the “God’s truth” (Old Czech: “pravda Boží”) and not the human one. In 1421 the diety of Čáslav issued a decree obliging everybody to confess the Four Prague Articles as “the truths of God”. Due to the absolutization of the term the Hussite legists of the second half of the 15th century Ctibor,

of Cimburk and Viktorín of Všebrdy considered the “pravda” to be an impersonal, objectively given reality, i. e. the verity.

Keywords

Kingdom of Bohemia, the 14th–15th century, the Old Czech language, the sociolect of the Bohemian nobility, the Hussites, truth and verity.